

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ МЕДИАДИСКУРСОЛОГИЯ

УДК 81'42

Меганарратив как инструмент структурирования медийной информации

З.З. Чанышева

Башкирский государственный университет,
Российская Федерация, 450076, Уфа, ул. Заки Валиди, 32

Для цитирования: Чанышева, З.З. (2021). Меганарратив как инструмент структурирования медийной информации. *Медиалингвистика*, 8 (3), 206–218.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.301>

Вводится в научный оборот понятие *меганарратив*, обосновывается необходимость данного термина в метаязыке медиалингвистики и обсуждается потенциал его использования как инструмента структурирования информационного массива в медиапространстве. При обсуждении воздействующего потенциала меганарратива безусловную значимость приобретают нарратологические проявления диалогичности, транстекстуальности, а также лингвокогнитивные и лингвокультурологические категории. Автор ставит перед собой цель установить лингвистические ресурсы, используемые в создании меганарратива как полидискурсивной единицы, которая объединяет тематически соотнесенные нарративы, выражающие авторское восприятие и оценку обсуждаемого события. Обоснование возможности использования предлагаемого понятия осуществляется на примере анализа политического заявления институционального типа, опубликованного департаментом обороны США. В фокусе внимания автора находится меганарратив конфликта. В ходе исследования решаются задачи выявления признаков меганарратива в медийной коммуникации, установления причин возникновения конфликтующих интересов и описания лингвистических средств разрешения конфликтных ситуаций. В исследовании использованы методы нарративного и дискурсивного анализа, контекстуальный метод, метод компонентного анализа лексики, приемы лингвокультурологической интерпретации языковых особенностей меганарратива. Исследование позволило сделать следующие выводы: обосновано определение меганарратива как незамкнутого в медиапространстве и неограниченного по времени создания полидискурсивного образования, служащего транстекстуальным средством структурирования медиапотока и обеспечивающего площадку для межтекстового диалога нарративных участников медийного общения; установлено влияние нарративных приемов на характер освещения событий и их субъективную оценку в медийной ком-

муникации; подчеркнута роль меганарратива в объединении «своих», усилении конфронтации с «чужими» и конкурировании с «другими» из лагеря политических соперников.

Ключевые слова: нарративная парадигма, меганарратив, структурирование медиапотока, транстекстуальность, межтекстовый диалог.

Постановка проблемы

Актуальность нарративного подхода к анализу медиатекстов обусловлена необходимостью оценить его потенциал в оказании воздействия на общественное сознание, вскрыв методологические установки, позволившие стратегиям манипулирования в дискурсе конфликта посредством ложной информации занять прочное место в репертуаре дискурсивных приемов в массовой коммуникации. Способ представления в современных медиатекстах той картины реальности, какой она видится автору, имеет глубокие теоретические корни в концепциях критического дискурса-анализа и моделях нарративного конституирования, внедряя на практике их основные постулаты и активно пополняя дискурсивные процедуры создания убедительных и приемлемых вариантов собственной альтернативной правды.

Наблюдения над формами реализации дискурса, построенного в духе ложного нарратива о событиях в англоязычных интернет-изданиях, показывают ярко выраженную тенденцию их функционирования в едином информационном медиaprостранстве, объединяясь в некие целостные образования с множеством весьма разнородных по составу и жанровым характеристикам, но тематически соотнесенных институциональных и личностно-ориентированных, политических, корпоративных, массово-информационных и других медианарративов. Упорядочение и структурирование информационного массива в медийной коммуникации имеет результатом создание меганарратива, определяемого нами как крупная транстекстуальная полидискурсивная единица, функционирующая в форме незамкнутой в пространстве и неограниченной по времени их создания совокупности нарративов, соотносимых друг с другом на базе системы координат определенного события, удерживаемых единством темы, выражающих авторское восприятие и оценку фактов и характеризующихся либо сближением совпадающих интересов, либо столкновением конфликтных позиций. Благодаря меганарративу, в котором голоса «своих» звучат в унисон и одновременно приходят в столкновение с голосами «чужих», отстаивающих альтернативные представления, ценности, позиции, мнения, оценки, перманентные властные и сиюминутные политические интересы и идеологические императивы, создается объемная картина отражения события в его неоднозначном и противоречивом восприятии.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления роли лингвистических ресурсов, используемых для конструирования медийных нарративов конфликта, и установления видов их объединения в меганарративное образование с целью оказания планируемого речевого воздействия на массового читателя. Не менее востребованной оказывается лингвистическая экспертиза так называемого меганарратива, создаваемого с помощью дискурсивных инструментов производства, обоснования и навязывания альтернативных взглядов на реальность и функционирующего в рамках транстекстуального информационного медиaprостранства.

История вопроса

Термин *нарратология*, созданный Ц. Тодоровым (1969) для исследования явлений культуры, изначально развивал идеи структурализма Ф. де Соссюра, подводя под понятие *la parole* индивидуальные нарративные сообщения, основанные на разделяемой семиотической системе (*individual narrative messages supported by a shared semiotic system*) [Herman 2005: 19]. В основу классического нарративного подхода положено понятие факта, которое в наиболее полном виде представлено в концепции Р. Барта о дискурсивной природе факта на примере исторического дискурса. В отечественной философии факт традиционно определяется как «нечто реальное в отличие от вымышленного» [Философская энциклопедия], однако в интерпретации французского философа и семиотика факт есть не что иное, как дискурсивный знак, играющий значительную роль в нарративе: за фактом закрепляется статус дискурсивного элемента, который может не являться частью объективной действительности; факт появляется для выражения определенного смысла; дискурс рассматривается как воображаемая конструкция; нарратив создается как инструмент умышленного обмана; денотативный уровень нарратива также более или менее идеологизирован; метаязык нарратива выражает субъективную позицию [Барт 2003, с. 438, 439, 440].

Помимо факта *per se*, определяющего особенности мировосприятия в терминах обозначенной выше дискурсивной «правды» и влияющего на способ ее представления в нарративе, огромную роль играет авторская интерпретация отобранных фактов, так как каждый интерпретатор считает своим правом отстаивать собственное мнение, собственную точку зрения и собственную правду, в результате чего нередко нарушается разумное соотношение в тексте информационных и интерпретационных составляющих содержания медианарратива [Кормилицына, Сиротинина 2015].

Фонд речевых средств воздействия на массовое сознание в медийной коммуникации заметно пополнился в последние годы, отразив функциональный потенциал востребованных ныне научных парадигм. На фоне усиления в прессе субъективизации при освещении и оценке происходящих в мире событий (Т. Г. Добросклонская, С. В. Иванова, Н. Б. Руженцева, Г. Я. Солганик, З. З. Чанышева, А. П. Чудинов, А. А. Щипицына) очень своевременным и актуальным оказался методологический аппарат нарративистики, оправдывающий использование субъективных приемов в медийной коммуникации. Нарративная парадигма, возникнув на почве идей структурализма Ф. де Соссюра, Р. Барта, К. Бремона, А. Греймаса, перенесла в фокус исследования транстекстуальные семиотические принципы, согласно которым сочетаются и трансформируются социальные, институциональные, дискурсивные и иные структурные единицы в процессе производства нарративного текста.

Создатели нарратологии подчеркнули важность междисциплинарного подхода к нарративу, поскольку интерпретация дискурса с нарративной организацией направлена на осмысление того, о *чем* он повествует (*what they mean*), в то время как структурный и стилистический методы анализа показывают, *как* дискурсивные смыслы реализуются именно как нарративные (*how they mean as narratives*) [Herman 2005: 30].

В настоящем исследовании также учитываются значимые для медиатекста черты нарратива: бессубъектность ('personless' narration), принцип коллективного соавторства и разделяемой ответственности («we» instead of an «I»), время создания относительно события — предшествующий, последующий, одновременный, включенный (anterior, posterior, simultaneous, intercalated), отражение семантических категорий (goodness / badness, class and power, sex, gender), недостоверность информации или ее искажение в нарративе (misinformation or discordance) [Prince 2005: 380].

Автор статьи обосновывает возможность использования предлагаемого понятия *меганарратив* на примере анализа политического заявления институционального типа, опубликованного Министерством обороны США, которое функционирует в качестве центрального звена более крупной полидискурсивной единицы в медийной коммуникации, привлекая к себе огромное количество откликов и комментариев организаций, партий, групп и персоналий со схожими или диаметрально противоположными оценками содержания официального заявления.

Специфика нарратива в медиатекстах

Медийный нарратив составляет объект исследования медиастилистики (Н. И. Клушина), медианарратологии (И. Б. Александрова), прагматики ложного нарратива в межкультурной коммуникации (З. З. Чанышева, О. А. Гаврикова, Р. Р. Хазиева), политической лингвистики (С. В. Иванова, А. В. Чернышева, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал, В. И. Шестов), прагмастилистики околополитического нарратива (Ю. А. Антонова, Н. Б. Руженцева). Эти направления медиа нарратива разделяют общие взгляды на природу нарратива, который сконцентрирован на одном событии / ситуации, развернут во времени и локализован в пространстве, обладает общественной значимостью созданного сюжета, реализует воздействующую интенцию, соотносим с определенным набором жанровых форм [Антонова, Руженцева 2017: 45; Чанышева 2019; 2020].

Помимо перечисленных признаков, при обсуждении воздействующего потенциала медианарратива безусловную значимость приобретают нарратологические проявления диалогичности и транстекстуальности, а также лингвокогнитивные и лингвокультурологические категории.

В современной обстановке информационно-психологической войны роль слова резко усилилась в медиакоммуникации, в которой политика в межгосударственных отношениях тяготеет к языку войны, пропаганды вражды, «языку ненависти» (hate speech) [Карпухина 2019: 213]. Эта лексика репрезентирует два тесно взаимосвязанных, но не тождественных понятия: война слов и слова войны [Грант 2020а; 2020б]. В первом случае речь идет о конфронтационной вербальной агрессии, так называемой черной риторике, используемой как прием словесной атаки на оппонента с целью оказания воздействия на представления, мировоззрение, оценку происходящих событий. Словосочетание *слова войны* используется при создании сообщений с мест начавшихся или продолжающихся боевых действий, которые могут быть кульминацией войны слов как следствие милитаризации политической сферы. Опасных «горячих точек» существует сегодня немало, и их число, к сожалению, не уменьшается в результате непрекращающейся войны слов. Трудно не согласиться с мнением американского журналиста А. Гранта, утверждающего, что

дистанция между войной слов и словами войны слишком коротка, и призывающего всех участников сойти с нее [Грант 2020б].

Вышесказанное позволяет заключить, что отмеченные черты факта как дискурсивного явления в нарративе в сопровождении предвзятого толкования идеально вписываются в концепцию ложного политического нарратива, суть которого сводится к использованию вымышленных или реальных фактов в заведомо неверной или бездоказательной интерпретации, идеологически заряженной и отягощенной определенными коммуникативными интенциями обмана или дезинформации для оправдания своей линии поведения.

Заимствование понятия *нарратив* и обоснование возможности использования нарративного подхода к медиа событиям открыли многообещающие перспективы для массовой коммуникации, сотрясаемой столкновением противоположных позиций в изложении и оценке реальных событий. Неудивительно, что появились призывы отказаться от фактов и создавать современные мифы, которые уводили бы человечество от края пропасти и обеспечивали возможность понимания и диалога [Evans 2019]. Более того, суггестивный потенциал мифов, создание собственных новых и демифологизация известных мифов оппонентов, расширение репертуара средств и опора на новые технологии позволяют внедрять в сознание желаемые ценностные и смысловые ориентиры [Харламова 2016: 32]. Ложный нарратив является своего рода откликом на призывы заняться современным мифотворчеством в политических медиатекстах.

В процессе реализации воздействующей функции медийного нарратива преобладающим направлением в практике создания современных медиатекстов является установка на нагнетание страха, провоцирование состояния тревоги, паники и ужаса, перерастающих в агрессию, ненависть и другие деструктивные эмоции (К. Робин, И. Кэрл, П. Сорокин, М. Хайдеггер, В. И. Шаховский, Я. А. Волкова, Н. Н. Панченко, П. Хилтон, Д. Роткопф, Дж. Миршаймер).

Р. Водак в фундаментальной монографии о политике страха описывает дискурсивные стратегии конструирования страха в сознании избирателей во время выборов, обеспечивающего укрепление позиций правых на политической арене [Водак 2018]. Самыми распространенными раздражителями эмоций страха, тревоги и беспокойства за свою жизнь и жизнь близких являются образы реальных врагов (террористы, национал-этнократы, неонацисты, неофашисты, антисемиты и др.) и современные мифологемы о мнимых врагах (образы России, стран «оси зла», иммигрантов, политических лидеров блока «чужих» стран и др.) (И. Г. Вражнова, О. С. Иссерс, А. В. Колмогорова, К. В. Никитина, А. М. Погорелко, А. П. Сковородников, Р. В. Саттарова, Р. Р. Хазиева и др.).

Политологи подчеркивают важные условия для эффективной коммуникации с позиций политики страха, включающие необходимость персонализации источников угрозы и связывание надежды на решение проблем с конкретной стороной, способной защитить от опасности [Радиков 2017]. Указанные тактики активно используются в ложных нарративах с целью манипулирования сознанием массового человека.

Анализ средств создания меганарратива в медийной коммуникации

В настоящем исследовании, проведенном по материалам англоязычных онлайн-ресурсов, используется дискурсивно-прагматический анализ средств и приемов создания меганарратива, тематическим ядром и сквозным топосом которого послужил ложный нарратив институционального типа, представленный официальным заявлением Министерства обороны США и твитом президента страны. Событием, отраженным в нарративе, стало организованное по приказу президента США Д. Трампа убийство национального героя Ирана, известного военного стратега Касема Сулеймани, произошедшее 3 января 2020 г. на территории Ирака, в Багдаде. Утром следующего дня мировая пресса шокировала читателей известием о трагической гибели иранского генерала в результате авиаудара по автоколонне в районе багдадского аэропорта. Сообщение об этом происшествии в заявлении Министерства обороны США, представляющем институциональный нарратив, вместо ожидаемого объективного изложения фактов было написано в стиле, отражающем привычный взгляд администрации США на происходящие в мире события:

At the direction of the President, the U.S. military has taken decisive defensive action to protect U.S. personnel abroad by killing Qasem Soleimani, the head of the Islamic Revolutionary Guard Corps-Quds Force, a U.S.-designated Foreign Terrorist Organization.

General Soleimani was actively developing plans to attack American diplomats and service members in Iraq and throughout the region. General Soleimani and his Quds Force were responsible for the deaths of hundreds of American and coalition service members and the wounding of thousands more. He had orchestrated attacks on coalition bases in Iraq over the last several months — including the attack on December 27th — culminating in the death and wounding of additional American and Iraqi personnel. General Soleimani also approved the attacks on the U.S. Embassy in Baghdad that took place this week.

This strike was aimed at deterring future Iranian attack plans. The United States will continue to take all necessary action to protect our people and our interests wherever they are around the world [Statement of the Department of Defense 2020].

Обращает на себя внимание вводный абзац приведенного документа, который целиком посвящен персонализации декларируемого источника угрозы для жизни американцев в лице ликвидированного командующего спецподразделением «Аль-Кудс» в Корпусе стражей исламской революции, признанным единоличным решением США «иностранный террористической» организацией. Очевидно, что в официальном документе происходит подмена главного тезиса: вместо предоставления доказательной базы и внятных аргументов в пользу законности, легитимности и своевременности ликвидации высокопоставленного лица Ирана в документе обрисован портрет человека, якобы виновного в организации массовых убийств. Пафос институционального нарратива сводится к оправданию запланированного убийства генерала «благородными» целями защиты американцев за рубежом в случае возникновения опасных ситуаций. Голословное обвинение второго лица в иранском правительстве едва ли способно снять репутационные риски для американского президента и его коллег.

Лингвистический анализ заявления показывает, что оно выдержано в духе типичной англо-американской демагогии, достигаемой с помощью национально-культурной категории единиц в политическом лексиконе, известных под названием *weasel words*, так называемых «пустых слов», обладающих весьма туманным содержанием и вытесняющих конкретные и точные номинации. Истинная суть таких слов отражена в словарных дефинициях: *weasel word — a word used to avoid stating something forthrightly or directly; a word that makes one's views misleading or confusing used to describe almost any action as publicly desirable and has at the same time the effect of depriving any terms with which it is combined of clear meaning* [Weasel Words].

Вследствие специфики содержания эта лексика *doublespeak* (*language carefully designed and constructed to appear to communicate when in fact it doesn't*) [Cambridge Dictionary online], т. е. лексика демагогии, весьма популярна в американской политической институциональной коммуникации и в данном случае реализует несколько коммуникативных интенций: нагнетание страха перед обозначенным врагом, необходимость борьбы с «террористической» организацией, укрепление образа США как гаранта защиты своих граждан от врагов. Манипулятивная установка проявляет себя на протяжении всего документа в выборе используемых тактик:

- перечисление псевдоаргументов по обвинению генерала К. Сулеймани в организации недоказанных актов нападения на посольства и необоснованному утверждению о планировании новых военных операций и атак (*orchestrated attacks, responsible for the deaths, approved attacks on, culminating in deaths, wounding, developing plans to attack, future attack plans*);
- использование количественных числительных для подчеркивания якобы проверенных данных и туманных ссылок на многие пострадавшие от бомбежек районы (*hundreds of, thousands more, additional personnel, throughout the region*);
- подтверждение монопольного права Америки навешивать ярлыки, называя «виноватых» и определяя «правых», где бы ни происходили события (*at the direction of the President, US-designated Foreign terrorist organization, aimed at deterring future Iranian attack plans, around the world, the USA will take all necessary action, our interests, wherever they are*);
- выпячивание целей защиты и спасения американцев перед лицом опасности и «угроз» для жизни, а также обещание гарантированного обеспечения интересов американцев не только в стране, но и за ее пределами (*decisive defensive action, protect by killing, deterring attack plans, continue to take all necessary action, protect our people and our interests*) [Statement of the Department of Defense 2020].

По прочтении документа сомнения не снимаются, поскольку он не содержит аргументированного ответа на главный вопрос: что спровоцировало налет дронов, приведший к убийству К. Судеймани, и соответствует ли это решение существующим нормам международного права? Не прояснил этой ситуации и американский президент, срочно разместив в твите сообщение о своем решении:

General Qassem Soleimani has killed or badly wounded thousands of Americans over an extended period of time, and was plotting to kill many more...but got caught! He was

directly and indirectly responsible for the death of millions of people, including the recent large number of PROTESTERS killed in Iran itself. While Iran will never be able to properly admit it, Soleimani was both hated and feared within the country. They are not nearly as saddened as the leaders will let the outside world believe. He should have been taken out many years ago! [Donald Trump in Twitter 2020].

К сожалению, надежда на получение конкретных причин и мотивов, движимых Д. Трампом, не оправдалась. В его посте не только повторены слова из категории weasel words (*was plotting, thousands of Americans, extended period, many more, millions of people, a large number*) [Donald Trump in Twitter 2020], но и происходит подмена фактов и нарушение причинно-следственных связей. Налицо алогичность аргументации в утверждении о недоказанных планах атак на американский персонал и совершенном захвате генерала как бы на «месте преступления» (*got caught*), поскольку на месте преступления может быть застигнут преступник, совершающий его. Кроме того, Д. Трамп прибегает к любимому приему клеветы, ссылаясь на якобы испытываемые к генералу на его родине чувства ненависти и страха (*both hated and feared*). При этом Трамп, вынужденный признать лишь косвенную ответственность генерала за гибель людей (*indirectly responsible for the death*), насыщает нарратив средствами эмоциональной риторики в проявлении ликования, но отнюдь не раскаяния и чувства вины за содеянное.

Последовавшие отклики в англоязычной прессе на заявление министерства обороны и твит Д. Трампа в духе ложного нарратива продолжают заданную тему в пространстве меганарратива, уточняя обстоятельства и выражая свое отношение к содержанию заявления и обсуждаемому событию. Одним из первых сигналов слабости или, точнее, отсутствия аргументов явился комментарий г-жи Агнес Калламард, занимающей высокий пост в ООН. В нем подчеркнуты два необходимых условия для оправдания применения силы в межгосударственных отношениях: подтверждение реальной опасности неотвратимой угрозы (*imminent threat*) и использование силы в качестве акта самообороны и самозащиты (*kill in self-defense*) [Was it legal for Donald Trump to order killing 2020]. Справедливость ее первого обвинения подтверждает семантический анализ ключевой единицы, содержащей компоненты в содержании слова *imminent* (*often used of something bad or dangerous, seen as menacingly near* [Dictionary of Merriam-Webster]), указывающие на наличие неотвратимой нависшей угрозы жизни, которой на самом деле не было. Второе условие для оправдания убийства также не выдержано, поскольку отсутствуют доказанные факты о необходимости самообороны в случае замышляемых и подготавливаемых операций. Использованное президентом США слово *plot* (*a secret plan made by several people to do something that is wrong, harmful, or not legal, especially to do damage to a person or a government*) [Cambridge Dictionary online], судя по его словарной дефиниции, неприменимо к описанию ситуации, не соответствующей реальности. Кажется бы, американскому руководству трудно возразить и сохранить лицо в глазах общественности. Однако высказанное обвинение от лица международной организации послужило сигналом для американского правительства прибегнуть к языковым уловкам для оправдания своих преступных действий и использованию «правильных» слов в последовавших попытках объяснить мотивы случившегося. Показательно, как стремительно отреагировал

на критические замечания г-жи Агнес Калламард госсекретарь Марк Помпео, который убедил Трампа принять роковое решение. В своем интервью Помпео резко меняет формулировку причин, включив нужное слово *imminent* (...put dozens if not hundreds of American lives at risk. We know it was imminent" [Killing of Soleimani Follows Long Push from Pompeo 2020]). Правда, чуть позже он уточнил, что неважно, идет ли речь о непроверенных данных относительно планов генерала атаковать упоминаемые посольства в ближайшие дни или недели, что явно противоречит смыслу ранее сделанного заявления: ...days and weeks — this is not something that's relevant [Killing of Soleimani Follows Long Push from Pompeo 2020]). Тем самым госсекретарь выражает полное пренебрежение к международным нормам и подтверждает монопольное право Америки, обладающей исключительным «правом сильного», принимать решения в одностороннем порядке, что демонстрировалось в истории не раз. Примеры в данном фрагменте меганарратива наглядно демонстрируют, как легко происходят языковые манипуляции, когда политики прибегают к игре слов в тексте для разрешения конфликтных ситуаций, за которыми скрываются политические амбиции и интересы.

Безусловную поддержку США выразили верные союзники, прежде всего в лице британского лидера Б. Джонсона: *Suleimani posed a threat to all our interests and was responsible for a pattern of disruptive, destabilising behaviour in the region <...> played a role in actions that have led to the deaths of thousands of innocent civilians and western personnel, we will not lament his death* [Boris Johnson]. Меганарратив, объединив медийные нарративы проамериканских сил, становится местом объединения «своих» против «чужих», против врагов, мнимых и реальных.

Сложившейся ситуацией по-разному воспользовались представители блока «чужих» и политические конкуренты в стране из лагеря «других», что нашло отражение в меганарративе, превратив его в площадку политического скандала и политической конкуренции. Об этом повествует медианарратив в ведущих изданиях СМИ о позиции Ирака: *Also the US violated Iraq's sovereignty* [Was it legal for Donald Trump to order killing 2020]; *an aggression against the country of Iraq, its state, its government and its people* [Qassem Soleimani Killed In Airstrike 2020]. В нем выражено негодование руководства Ирака и народа, расценивающих убийство на территории столицы страны как нарушение США суверенитета государства и акт агрессии. Между тем внутри Соединенных Штатов подали голос против Трампа его противники из партии демократов, чтобы не упустить удобный шанс подорвать позиции конкурента на предстоящих выборах: *Trump did not provide advance notice of his airstrike, there is no legitimate justification for provocative and disproportionate airstrike... endangered our service members* [Congress Demands Answers From Trump 2020]. По заявлениям демократов, едва ли оправданно без суда и следствия лишить жизни даже «плохого человека», поскольку это нельзя признать легитимным актом [Грант 2000а], хотя очевидно, что это лишь повод для ослабления позиций политических соперников из стана «других», так как во взглядах двух партий не наблюдается глубоких различий.

Особое место в меганарративе занимают лично-индивидуальные медианарративы людей с мировым именем, которые резко высказались с жесткой критикой в адрес вдохновителей американской внешней политики. Это прежде всего отклик всемирно известного американского ученого, видного современного аналитика Ноама Хомского, расценившего событие как акт международного терроризма

и «даже хуже» (*at least international terrorism, if not anything «worse»*) [Chomsky 2020]. Незаконность и нелегитимность решения американского правительства подчеркнул французский профессор права Университета Нотр-Дам в американском городе Саут-Бенд (*The attack was unlawful, the assassination was unjustifiable*) [Was it legal for Donald Trump to order killing 2020].

Список правительств, организаций, известных политиков, выступивших с критикой Д. Трампа и силового министерства, может быть продолжен, но приведенные источники вполне убедительно вскрывают истинную суть американской политики и ложь, пронизывающую официальные документы, пытающиеся оправдать деятельность администрации. По правовым меркам убийство иранского генерала получило оценку как противозаконное, а по морально-нравственным меркам его расценили как нелегитимное.

Выводы

Проведенное исследование доказывает актуальность введения в оборот понятия *меганарратив* как крупной целостной полидискурсивной единицы в медиапространстве, что позволяет выделить в нем сопряженные тематические блоки. Институциональный нарратив американского Министерства обороны в форме сообщения о реальном событии, послуживший ядром меганарратива, опирается на сложившиеся в англоязычной политической культуре дискурсивные практики использования национально-культурных особенностей речевых средств демагогии и приемов, обеспечивающих стратегию оправдания своих действий и реализующих тактики ложного нарратива: монопольное право принятия решений, необоснованное обвинение одних и оправдание других, оскорбление и демонизация оппонентов, нагнетание страха, персонализация недоказанного фактами источника угроз, собственное позиционирование как гаранта мира.

Рассмотренное заявление сыграло роль стержневого центра меганарратива как целостного транстекстуального речевого образования в рамках соотносимых временных и пространственных координат произошедшего события. Установленный в исследовании меганарратив возник в результате конвергенции нарративов разных видов, реализующих разнонаправленную диалогичность медиатекстов и создающих полифонию взглядов. Перспективным является вывод о меганарративе, реализующем принцип транстекстуальности в медиапространстве и сопряженном с разными формами межтекстуального диалога. В рассмотренных примерах взаимодействия разных медианарративов отражаются позиции участников медиакommunikации, представляющих интересы «своих», «других» и «чужих», что позволяет сопоставить неоднозначное видение и оценку события сквозь призму разных идеологических и ценностных приоритетов.

Литература

- Антонова, Ю. А., Руженцева, Н. Б. (2017). Межнациональный околополитический нарратив в печатных и электронных СМИ. *Политическая лингвистика*, 4 (64), 44–52.
- Барт, Р. (2003). Дискурс истории. *Система Моды. Статьи по семиотике культуры*. Москва: Изд-во им. Сабашниковых.
- Водак, Р. (2018). *Политика страха. Что значит дискурс правых популистов?* Харьков: Гуманитарный центр.

- Карпухина, Т. П. (2019). «Лексика вражды» как манипулятивный ресурс создания образа России в современной англоязычной прессе (в аспекте преподавания английского языка российским студентам). *Вестник Кемеровского государственного университета*, 21 (1), 212–222.
- Кормилицына, М. А., Сиротина, О. Б. (2015). *Язык СМИ*. Москва: Флинта.
- Радилов, И. В. (2017). Политический страх как фактор современной политики. *Власть*, 4, 43–49. Электронный ресурс <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-strah-kak-faktor-sovremennoy-politiki>.
- Харламова, Т. В. (2016). Жизнь мифа в современном политическом дискурсе США и Великобритании *Медиалингвистика*, 4 (14), 25–35.
- Чанышева, З. З. (2020). Этологические аспекты управления массовым поведением. *Политическая лингвистика*, 1 (79), 16–26.
- Чанышева, З. З. (2019). Ложный нарратив в межкультурной политической коммуникации. *Фирсовские чтения. Язык в современных дискурсивных практиках* (с. 428–434). Москва: Российский университет дружбы народов. Электронный ресурс <https://elibrary.ru/item.asp?id=41476432>.
- Evans, A. (2017). *The Myth Gap: what happens when evidence and arguments aren't enough*. Электронный ресурс <https://www.penguin.co.uk/books/111/1113478/the-myth-gap/9781473543249.html>.
- Herman, D. (2005). Histories of Narrative Theory: A Genealogy of Early Developments. *A Companion to Narrative Theory* (pp. 19–35). Malden: Blackwell Publ.
- Prince, G. (2005). On a Postcolonial Narratology. *A Companion to Narrative Theory*. (372–381). Malden: Blackwell Publ.

Источники

- Грант, А. (2020). «Ирангейт» на смену «рашагейту» и «украгейту». Электронный ресурс <http://evreimir.com/179964/irangejt-na-smenu-rashagejtu-i-ukragejtu-tramp-snova-ne-ugodil-demokratam/>.
- Грант, А. (2017). *Слова войны и война слов*. Электронный ресурс <http://evreimir.com/136222/slova-voynu-i-vojna-slov/>.
- Философская энциклопедия. Электронный ресурс https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/126992.
- Boris Johnson: Qassem Soleimani was threat to all our interests. Электронный ресурс <https://www.theguardian.com/politics/2020/jan/05/boris-johnson-qassem-soleimani-was-threat-to-all-our-interests-lament-death>.
- Cambridge Dictionary online. Электронный ресурс <https://dictionary.cambridge.org/>.
- Chomsky, N. (2020). Soleimany's Killing an Act of Aggression. Электронный ресурс <https://www.hindustantimes.com/world-news/soleimani-s-killing-an-act-of-terrorism-says-noam-chomsky/story>.
- Congress Demands Answers From Trump about Soleimani Killing (2020). Электронный ресурс <https://www.voanews.com/middle-east/voa-news-iran/congress-demands-answers-trump-about-soleimani-killing>.
- Dictionary by Merriam-Webster. Электронный ресурс <https://www.merriam-webster.com/>.
- Donald Trump in Twitter (2020). Электронный ресурс <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1213096351296299017?ref>.
- Killing of Soleimani Follows Long Push from Pompeo (2020). Электронный ресурс <https://www.washingtonpost.com/world/national-security/killing-of-soleimani-follows-long-push-from-pompeo-for-aggressive-action-against-iran-but-airstrike-brings-serious-risks/2020/01/05/092a8e00>.
- Qassem Soleimani, top Iranian military commander, killed in U.S. airstrike in Baghdad (2020). Электронный ресурс <https://www.cbsnews.com/news/qassem-soleimani-commander-dies-head-of-irans-elite-military-force-dead-in-baghdad-air-strike-2020-01-02>.
- Statement of the Department of Defense. Электронный ресурс <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2049534/statement-by-the-/>.
- Was it legal for Donald Trump to order the killing of a top Iranian general? (2020). Электронный ресурс <https://www.nbcnews.com/news/world/was-it-legal-donald-trump-order-killing-top-iranian-general-n1109961>.
- Weasel Words: The Dictionary of American Doublespeak. Электронный ресурс <https://www.amazon.com/Weasel-Words-Dictionary-American-Doublespeak/dp/1933102071>.

Статья поступила в редакцию 8 декабря 2020 г.;
рекомендована в печать 20 апреля 2021 г.

Контактная информация:

Чанышева Зульфира Закиевна — д-р филол. наук, проф.; chanyshvazz@yandex.ru

Meganarrative as an instrument of structuring media information

Z. Z. Chanyшева

Bashkir State University,
32, ul. Zaki Validi, Ufa, 450076, Russian Federation

For citation: Chanyшева, Z. Z. (2021). Meganarrative as an instrument of structuring media information. *Media Linguistics*, 8 (3), 206–218. <https://doi.org/10.21638/spbu22.2021.301> (In Russian)

The article introduces the scientific concept of *meganarrative*, substantiates the necessity of this term in the metalanguage of media linguistics and discusses the potential of using it as an instrument for structuring mass data in media space. The author aims to determine the linguistic resources used to create a meganarrative as a polydiscursive unit that brings together thematically related narratives expressing authors' perception and evaluation of an event described. The possibility of using the proposed concept of meganarrative is analyzed on the example of an institutional-type political statement published by the U.S. Department of Defense. The tasks of the research consist in revealing the features of a meganarrative in media communication, establishing the causes of conflicting interests and finding linguistic means of resolving conflict situations. The study makes use of the methods of narrative and discourse analysis, contextual method, componential analysis of meanings of key lexical units and methods of linguacultural interpretation of linguistic peculiarities of a meganarrative. The research makes it possible to draw a number of conclusions: a meganarrative is understood as a polydiscursive formation which serves as a transtextual means of structuring media streams and ensuring a platform for intertextual dialogue between narrative participants of media communication; narrative techniques are shown to make an impact on the character of describing events and evaluating them in mass media; a meganarrative is shown to play an important role in uniting those who belong to the 'US' side, enhancing confrontation with the 'THEM' block and continuing rivalry with the 'OTHER' opponents.

Keywords: narrative paradigm, meganarrative, structuring media streams, transtextuality, intertextual dialogue.

References

- Antonova, Yu. A., Ruzhentseva, N. B. (2017). International parapolitical narrative of print and electronic media. *Politicheskaya lingvistika*, 4 (64), 44–52. (In Russian)
- Barthes, R. (2003). Discourse of history. *Sistema Mody. Statyi po semiotike kultury*. Moscow: Sabashnikovyh Publ. (In Russian)
- Chanyшева, Z. Z. (2019). False narrative in intercultural political communication. *IV Firsovskie chteniya. Yazyk v sovremennyh diskursivnyh praktikah* (pp. 428–434). Moscow: RUDN Publ. Retrieved from <https://elibrary.ru/item.asp?id=41476432>. (In Russian)
- Chanyшева, Z. Z. (2020). Ethological aspects of mass behavior control. *Politicheskaya lingvistika*, 1 (79), 16–26. (In Russian)
- Evans, A. (2017). *The Myth Gap: what happens when evidence and arguments aren't enough*. Retrieved from <https://www.penguin.co.uk/books/111/1113478/the-myth-gap/9781473543249.html>.
- Herman, D. (2005). Histories of Narrative Theory: A Genealogy of Early Developments. *A Companion to Narrative Theory* (pp. 19–35). Malden: Blackwell Publ.
- Karpukhina, T. P. (2019). "Hate speech" as a manipulative means of forming the inimical image of Russia in British and American mass-media (viewed from the aspect of the English language taught to Russian students). *Vestnik Kemerovskogo Gosudarstvennogo universiteta*, 21 (1), 212–222. (In Russian)
- Kharlamova, T. V. (2016). Life of myth in modern political media discourse of the USA and Great Britain. *Media Linguistics*, 4 (14), 25–35. (In Russian)
- Kormilitsyna, M. A., Sirotinina, O. B. (2015). *Language of massmedia*. Moscow: Flinta Publ. (In Russian)

- Prince, G. (2005). On a Postcolonial Narratology. *A Companion to Narrative Theory* (pp. 372–381). Malden: Blackwell Publ. from https://www.researchgate.net/publication/229454699_A_Companion_to_Narrative_Theory.
- Radikov, I. V. (2017). Political fear as a phenomenon in contemporary politics. *Vlast'*, 4, 43–49. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskiy-strah-kak-faktor-sovremennoy-politiki>. (In Russian)
- Wodak, R. (2018). *Politika straha. Chto znachit diskurs pravyyh populistov?* Kharkiv: Gumanitarnyi tsentr Publ. (In Russian)

Received: December 8, 2020

Accepted: April 20, 2021

Author's information:

Zulfira Z. Chanysheva — Dr. Sci. in Philology, Professor; chanyshevazz@yandex.ru